

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «XXVII СЪЕЗД КПСС И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ПРИРОДЫ НА РАЗЛИЧНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭТАПАХ»

22—23 апреля 1987 г. в Нальчике состоялась первая историко-экологическая конференция «XXVII съезд КПСС и проблемы взаимодействия общества и природы на различных исторических этапах». По составу участников¹ она имела значение Всесоюзной. Организаторами конференции выступили Научный совет АН СССР по исторической демографии и исторической географии, Институт истории СССР АН СССР и Научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики при Совете Министров Кабардино-Балкарской АССР. В Оргкомитет входили от Института этнографии АН СССР Б. В. Андрианов и В. И. Козлов. Среди докладчиков преобладали историки, было много географов и этнографов. Активно участвовали в работе конференции культурологи, философы и демографы, а также археологи, экономисты, биологи, сотрудники организаций агропромышленного и лесохозяйственного комплексов, органов охраны памятников истории и культуры.

Проблемам взаимодействия общества и природы уже неоднократно посвящались симпозиумы и научные конференции, имевшие экологическую направленность². Однако конференция в Нальчике выделяется среди предыдущих тем, что на ней проблематика исторической экологии первый раз была поставлена во главу угла. Основной задачей этого междисциплинарного научного направления является раскрытие закономерностей взаимодействия общества и природы на разных стадиях общественной эволюции с позиций марксистско-ленинской теории и методологии. Изучение экологического опыта прошлых эпох, сохраняющего значение до нашего времени, анализ взаимосвязей различных типов и форм хозяйственной деятельности и географической среды, зависимости производственных циклов (в первую очередь в сельском хозяйстве) от циклов природных, учет положительных и отрицательных результатов антропогенного воздействия на ландшафты при разных способах ведения хозяйства могут оказаться полезными при решении практических народнохозяйственных задач и совершенно необходимы для познания прошлого. Вполне очевидно, что данные комплексные проблемы должны разрабатываться при активном участии этнографов и особенно этноэкологов. В этом отношении показателен тот факт, что именно в Нальчике опять-таки впервые на научной конференции была выделена отдельная этноэкологическая секция³.

На подготовительном этапе представленные заранее тезисы докладов участников конференции были распределены между 6 секциями. Однако далее выяснилось, что

¹ В материалах конференции опубликованы 117 тезисов докладов 130 авторов из 27 городов шести союзных и трех автономных республик СССР. См. Тезисы докладов и сообщений научной конференции «XXVII съезд КПСС и проблемы взаимодействия общества и природы на различных исторических этапах» (Нальчик, 15—17 апр. 1987). М., 1987, 216 с.

² См.: Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981 (Рецензия на этот сборник: Егорова Т. В., Козлов В. И. // Сов. этнография. 1982, № 5. С. 144—148).

³ Правда, уже имелся опыт региональных археолого-этнографических конференций и совещаний по выделению экологически ориентированных исследований в отдельный блок. См.: Экологические аспекты археологии и этнографии // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 146—167.

во многих случаях такое деление было условным, и отчасти поэтому секционные заседания сочли целесообразным проводить «парами». Первую секцию «Теоретические и методологические проблемы и исследования» объединили с шестой «Этническая экология» (председательствовали соответственно Л. В. Данилова и В. И. Козлов), вторую «Историография, источники, методика исследований» с пятой «Человек и ландшафт», третью «Экономика и экология» с четвертой «Народонаселение и экология».

В данном сообщении мы ограничимся анализом работы секции «Этническая экология» и обзором докладов, сделанных на ней сотрудниками Института этнографии АН СССР, а также кратко остановимся лишь на некоторых, по наш взгляд, особенно важных и интересных для этнографов докладов из других секций.

В материалах конференции опубликованы тезисы докладов и сообщений 14 сотрудников Института этнографии АН СССР, из которых 9 участвовали в заседаниях, преимущественно в рамках секции «Этническая экология». В работе секции участвовали также археологи и историки.

Открывший секционные заседания В. И. Козлов (Москва) сделал доклад «Этнокультурная адаптация к среде обитания и проблема ее оценки». Опираясь на опыт многолетнего комплекса изучения феномена группового долгожительства у абхазов и азербайджанцев, он предложил в качестве основных критериев такой оценки ряд показателей, характеризующих темпы воспроизводства населения (в первую очередь для традиционных обществ), а также показатели физического и психического здоровья, продолжительности жизни и долголетия людей. Было отмечено также, что этническая экология, добившись определенного прогресса в изучении материальной стороны жизнеобеспечения, начинает заниматься ее духовной стороной лишь в последнее время, и именно в этой области исследователей ожидают определенные трудности в силу неразработанности соответствующих методов.

Теоретико-методологическими были и другие выступления. Так, Б. В. Андрианов (Москва) в докладе «Географическая среда и хозяйственно-культурная дифференциация народов мира» остановился на характеристике трех уровней исторического взаимодействия общества и природы: 1) глобального, который отражается в системах хозяйственно-культурных типов, связанных с природной зональностью ландшафтов всего земного шара; 2) регионального, при котором рассматриваются специфические черты историко-этнографических областей; 3) локального (экологического), который учитывается при анализе многообразия систем жизнеобеспечения у различных народов.

Ю. М. Кобищанов (Москва) в докладе «Историко-экологические области в их отношениях с этническими общностями» выдвинул гипотезу «историко-экологической области» (ИЭО) как основной структурной единицы исторического пространства, отличающейся достаточно стабильными территориальными границами (примеры ИЭО: Среднеазиатская, Месопотамская, Бирманская и т. п.). Для однотипных ИЭО характерны сходный набор весьма дифференцированных ландшафтных условий и множественность хозяйственно-культурных типов (ХКТ) при сложном этническом составе населения. В ходе исторического развития внутри устойчивых границ ИЭО при сохранении основных ХКТ может происходить смена этнического состава населения и даже цивилизаций.

К этой группе докладов примыкают выступления, в которых рассматривались те или иные теоретические положения на конкретных материалах отдельных регионов. В частности, доклад И. И. Крупника (Москва) «Экологический опыт и экологическое поведение ранних охотничьих обществ» был посвящен очень важному вопросу о соотношении экологических знаний людей и их реального поведения по отношению к природе. Так, при всей глубине и разносторонности рациональных в своей основе представлений об окружающей среде и взаимосвязей с ней человека, аборигенные охотники Субарктики часто были вынуждены вести промысел «экофобными» методами. Этот вывод докладчика о существенном несовпадении между экологическим «опытом» и экологическим поведением, по-видимому, справедлив и по отношению к большинству других так называемых традиционных обществ.

Доклад С. А. Маретной (Ленинград) «Соотношение природного и социального окружения в экосистемах горных народов Южной Азии» был посвящен главным образом анализу различных вариантов адаптации горных народов Индии, находящихся преимущественно на доклассовом или раннеклассовом уровне развития, к географической среде и взаимодействию их с соседними, более развитыми в социально-экономическом отношении народами, живущими на равнине.

А. Н. Ямсков (Москва) в докладе «Традиционное хозяйство горцев Кавказа: этноэкологический подход и концепция хозяйственно-культурных типов» показал ряд преимуществ этноэкологического подхода к решению дискуссионного вопроса об обоснованности выделения ХКТ оседлых (с сезонным отходом части работников на пастбища) горных земледельцев и скотоводов. В пользу выделения такого ХКТ свидетельствуют уникальная сложность ландшафтной структуры каждой горной этноэкосистемы, как правило включающей пастбищные и пахотные угодья в высотных поясах от альпийского до предгорий, и большое значение в хозяйстве скотоводства, базирующегося на среднегорных и субальпийских лугах, имеющих обычно антропогенное происхождение.

В докладе Ю. В. Маретина (Ленинград) «Естественно-географические особенности Юго-Восточной Азии и их влияние на этническое развитие народов региона» была раскрыта роль факторов природной среды в формировании системы расселения и выявлено их влияние на развитие культурных контактов народов этого уникально полиэтничного региона.

Значительная часть докладов посвящалась раскрытию роли природных условий и исторических традиций в формировании своеобразных черт этнических или локальных вариантов культуры. Например, большое внимание привлекло выступление С. Г. Скобелева (Новосибирск) «О роли природных условий и хозяйственных традиций в жизни коренного населения Средней Сибири в XVII—XVIII вв.». Докладчик продемонстрировал факт удивительной устойчивости хозяйственных традиций во времени: кочевники-качинцы переселились из Минусинских степей в район Красноярска и в новых природных условиях перешли к полукочевому образу жизни и смешанному скотоводческо-земельному хозяйству. Однако более чем век спустя в начале XVIII в., качинцы вернулись обратно к роли кочевых скотоводов, а мигрировавшие вместе с ними койбалы, бельтеры и сагайцы и в Минусинской котловине долго сохраняли принесенное из-под Красноярска скотоводческо-земледельческое хозяйство.

В докладе В. А. Липинской (Москва) «Традиционная пища русских в связи с условиями расселения» были показаны причины формирования многообразия местных вариантов блюд и ассортимента продуктов при сохранении в целом единой традиции в соотношении продукции земледелия и скотоводства, приемах кулинарии и в потреблении пищи. Также вопросам питания, но на ином этническом материале, было посвящено сообщение Н. И. Григулевич (Москва) «Дикорастущие растения в традиционной пище сельских азербайджанцев». Кратко охарактеризовав годовой цикл заготовки, приготовления и потребления трав, корней и плодов, докладчица подчеркнула, что, несмотря на малую калорийность и второстепенную роль дикорастущих растений в рационе, они содержат большое количество биологически активных веществ и витаминов и в значительной своей части обладают тонизирующими либо лекарственными свойствами, что и делает необходимым при этноэкологических исследованиях учет этого компонента пищи.

Доклад Ф. В. Васильева (Горький) «О роли плодородия почв в формировании региональной специфики материальной культуры населения Печерноземья XVIII—XIX вв. (методы исследования)» основан на многолетних архивных и полевых исследованиях местных вариантов традиционной культуры русского крестьянства. Докладчик обоснованно считает географический фактор понятием, объединяющим целый ряд элементов природной среды. При изучении традиционного земледельческого населения в роли главного такого фактора выступает плодородие почв; в некоторых случаях сказывается и влияние местоположения земельных угодий. Эти выводы получили математическое подтверждение в результате корреляционного анализа взаимозависимости распространения некоторых явлений материальной культуры и бонитета почв в Нижегородской губернии XIX в.

Несколько обособленное положение в работе секции заняли выступление К. В. Цеханской (Москва) «Окружающая среда и борьба индейцев США за свои права», рассмотревшей основные принципы рационального природопользования у индейцев — и как отход от них — современное неблагоприятное состояние окружающей среды в резервациях, усиливающее миграцию индейцев в города, и сложности социальной адаптации коренных американцев в урбанизированном обществе, а также доклад С. Х. Мафедзева (Нальчик) «Природно-бытовые и сословно-классовые особенности военно-физической подготовки адыгейских народов», в котором были выявлены этнические и в прошлом сословные различия в использовании природных условий в народной физической культуре адыгов в XIX—XX вв.

В прениях по докладам, сделанным в секции «Этническая экология», прозвучали оценки тех или иных выводов и положений докладчиков, а также и некоторые соображения методологического характера. В частности, Б. В. Андрианов констатировал наметившееся сближение концепций хозяйственно-культурных типов (ХКТ) и этноэкологической, подчеркивая при этом как перспективность дальнейших исследований на локальном уровне, так и необходимость дальнейших усилий по синтезу указанных концепций. Однако И. И. Крупник высказал обоснованное сомнение относительно последнего замечания, так как в случае такого синтеза возможен переход от принятого выделения отдельных ХКТ по самым общим характеристикам хозяйства, образа жизни и материальной культуры, к взгляду на ХКТ как на максимально генерализированное выражение ряда типичных функционально сходных черт некоего множества этноэкологических систем. Не исключено, впрочем, что такое сближение может привести к пересмотру некоторых существенных сторон самой концепции ХКТ. Кроме того, значительную часть дискуссионного времени заняло уточнение понятийно-терминологического аппарата, применяемого в этнической — и, шире, — в исторической экологии.

Следует отметить, что некоторые доклады, опубликованные в разделе «Этническая экология», не были заслушаны на секционных заседаниях. Среди них доклады: А. А. Лебедевой (Москва) «Природная среда как фактор, изменяющий этнические традиции (на примере русских и украинских переселенцев в Сибири)», в котором прослежены адаптационные процессы в сфере хозяйства и орудий труда, жилища и одежды, В. И. Наулко (Киев) «Влияние естественно-географических условий на культурно-бытовые особенности населения (на материалах народной архитектуры Украины)», В. В. Степанова (Москва) «Расселение как показатель этноэкологической адаптированности (на примере сельских поселений Азербайджанской ССР)», в котором основное внимание уделено соответственно роли историко-культурных и природных факторов в распространении типов и элементов жилища и в формировании системы расселения. Это также доклады Ю. В. Ивановой (Москва) «Экологические условия и обрядность (на примере балканских народов)», И. М. Мизиева и А. И. Мусукаева (Нальчик) «Экология и экономика горцев Центрального Кавказа в свете этно-социальной истории», Е. А. Оборотовой (Москва) «Некоторые аспекты традиционного мировоззрения оленых чукчей в связи с изучением систем жизнеобеспечения», Э. В. Сайко (Москва) «Система обществ раннеземледельческих культур как особый тип отношений «общество — природа», В. С. Менжинского (Москва) «Природная среда и землевладение Великого княжества Литовского», И. Л. Бабиц (Москва) «Миф как отражение стереотипа экологического поведения на стадии архаической (доклассовой) социальности».

Сотрудники Института этнографии АН СССР участвовали в заседаниях других секций конференции. Так, на третьей секции Б. В. Андрианов сделал подготовленный в соавторстве с И. М. Кузиной и Л. И. Кураковой (Москва) доклад «Историческая роль сельского хозяйства в преобразовании ландшафтов», в котором прослежена связь процессов антропогенного воздействия на природу и формирования измененных трудом человека ландшафтов с историей становления и географическим распространением отдельных хозяйственно-культурных типов. Доклад Н. В. Черной (Кабузап) (Москва) «Влияние природных факторов на миграции населения России и Западной Украины в конце XVIII — начале XX вв.» был прочитан на четвертой секции.

Отмеченная выше некоторая условность включения ряда участников в те или иные секции делает необходимым хотя бы вкратце остановиться на некоторых докладах и сообщениях из других секций. Например, в первой секции «Теоретические и методологические проблемы и исследования», работавшей совместно с этноэкологической, было интересное выступление А. М. Кантора (Москва) «Экологические аспекты сознания в русской народной средневековой культуре». Докладчик отметил такие черты традиционного сознания русских того времени, как повышенные эмоциональность, ощущение непосредственной связи с окружающим миром природы и ее сезонными трансформациями. Учет этих сторон социальной психологии обществ, близких к традиционным, необходим при изучении духовного фактора этнокультурной адаптации. В этой же секции было заслушано сообщение философа Т. А. Штейнберг (Рига) «Современная экологическая ситуация и социальная адаптация человека» и представлен доклад Л. Н. Гумилева (Ленинград) «Этнос как звено между природной средой и обществом»; вывод этого доклада о выражен-

ной корреляции между фазами этногенеза и этнической истории и развитием антропогенных модификаций ландшафтов отнюдь не всегда соответствует действительности, ибо история знает немало примеров изменения этнического облика населения при сохранении одного и того же ХКТ и, следовательно, при тех же основных особенностях воздействия на природу.

Многие материалы из других четырех секций представляют несомненный интерес для этнографов, занимающихся экологической проблематикой. К ним относятся, например, доклады Л. П. Кучумовой (Москва) «Крестьянская община пореформенной России во взаимодействии с окружающей средой» и С. Е. Толыбекова (Алма-Ата) «О хозяйственном использовании пустынь Кызылкумов, Приаральских Каракумов и сухих степей Казахстана круглый год кочующими скотоводами в конце XIX — начале XX вв.». Особо хочется обратить внимание на сообщение Л. Б. Вамиловой (Улан-Удэ) «Значение историко-ландшафтных исследований Прибайкалья для решения проблем рационального природопользования», в котором рассмотрен процесс неоднократных смен этнического состава населения Баргузинской котловины, вызывавший в ряде случаев существенную перестройку системы природопользования и, соответственно, изменения в развитии антропогенных модификаций ландшафтов.

Много важной для этнографов информации содержат материалы четвертой секции «Народонаселение и экология». Это доклады В. М. Кабузана (Москва) «Природно-климатические условия и воспроизводство населения (естественный прирост) в России в XIX — начале XX вв.», Г. Ф. Быкони (Красноярск) «Географическая среда и особенности русского заселения и освоения Восточной Сибири в XVII — начале XIX вв.», в котором показано, что трудности адаптации к суровым условиям средней (таежной) и, особенно, северной части данной территории привели, в результате совокупного действия процессов реэмиграции, пониженного естественного воспроизводства к снижению в этих областях Восточной Сибири доли русских от более чем 50% в 1710 г. до менее чем 13% в 1858 г. Многим этнографам, вероятно, будут также интересны материалы докладов А. А. Преображенского (Москва) «Природа и колонизационные процессы в России XVII—XVIII вв.», А. В. Минжуренко (Омск) «Роль природных условий Сибири в массовом переселенческом движении за Урал периода капитализма», Н. Е. Бекмахановой (Москва) «Природная среда и система кочевничества на материалах Казахстана (XIII — начало XX вв.)» и другие.

В методологическом плане весьма важен для этноэкологов доклад Е. А. Скупниковой (Вологда) «Изучение элементарных историко-географических систем как метод исследования взаимодействия общества и природы на разных этапах освоения». В качестве операциональной единицы диахронного анализа процессов освоения человеком территорий, включающих формирование и эволюцию поселения, хозяйства и антропогенных модификаций ландшафтов, автор предложила «элементарную историко-географическую систему» (ЭИГС), которую образуют взаимодействующие социально-экономический и природный блоки; основой первого является поселение, второго — смежные геокомплексы ранга урочищ. Таким образом, докладчица пришла к выводу о необходимости детальных исследований взаимодействия общества и природы практически на том же уровне конкретизации, что и при использовании концепций антропогеоценоза либо этноэкосистемы. Это, несомненно, указывает на плодотворность дальнейших контактов специалистов в области исторической географии или экологии с этноэкологами как в сфере теоретико-методологических разработок, так и в практических исследованиях.

В итоге работы секций были приняты рекомендации, оглашенные на заключительном пленарном заседании. Участники всех секций сошлись во мнении о желательности значительного расширения и углубления историко-экологических исследований как весьма актуальных с научной и достаточно важных с практической точек зрения. Повсеместную поддержку получили предложения о более полном использовании историко-экологических материалов в экологической пропаганде и воспитании населения и о необходимости значительной активизации такого рода деятельности.

Среди конкретных решений конференции отметим планы будущих совместных детальных исследований историков и географов на Вологодчине, Куликовом поле, Тамбовщине, предложения о введении курса исторической географии в учебные планы всех исторических и географических факультетов университетов и о подготовке в ряде педагогических вузов на историко-географических факультетах учителей по двум специальностям — «географ» и «историк». Решено также организовать работу по

исправлению и доработке учебника по исторической географии для вузов и создать междисциплинарную группу исследователей по разработке курса исторической экологии для вузов.

Важность и необходимость реализации указанных решений вполне очевидны. Однако стоит, на наш взгляд, позаботиться и о том, чтобы этнографы и этноэкологи значительно активнее включились в эту работу. Особенно важно предусмотреть, чтобы дальнейшая разработка историко-экологической проблематики на деле не свелась лишь к усовершенствованию соответствующих разделов исторической географии, ныне в большинстве случаев представляющей собою экономическую или политическую историю. В исторической географии, к сожалению, почти полностью опущены традиционно-бытовая культура и, в значительной мере, этнокультурные особенности населения. Необходимо, чтобы эти недостатки не передались исторической экологии, для чего потребуются наладить самое тесное сотрудничество историков и географов с этнографами и в первую очередь с этноэкологами.

Что касается собственно этнической экологии, то здесь особую важность приобретают накопление материалов конкретных исследований и дальнейшее уточнение понятийного аппарата, прежде всего с целью определения методов изучения и критериев оценки этнокультурной адаптации. Как свидетельствуют материалы конференции, данную проблему наиболее рационально разрабатывать на примере групп переселенцев и нескольких поколений их потомков, живущих в существенно отличных от исходных и оставшихся обычными для основной массы членов этого этноса условиях окружающей среды. Именно в таких случаях процессы этнокультурной адаптации выступают наиболее явно в виде исторической эволюции многих элементов хозяйства, материальной и даже духовной культуры.

Оргкомитет и участники конференции сочли целесообразным вновь собраться через несколько лет. Можно надеяться, что следующая историко-экологическая конференция станет еще более представительной и приобретет наконец официальный ранг «Всесоюзной».

В целом же первая историко-экологическая конференция в Нальчике оказалась весьма интересной и плодотворной. Готовятся к публикации основные материалы.

В. И. Козлов, А. Н. Ямсков

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «КУЛЬТУРА И ИСТОРИЯ В БАССЕЙНЕ ТИХОГО ОКЕАНА»

23—28 января 1987 г. в Хельсинки состоялся международный симпозиум на тему «Культура и история в бассейне Тихого океана», организованный Академией Финляндии в связи с открытием советской выставки «Сокровища культуры народов Океании», названной финской стороной «Путешествие по Океании». Выставка была проведена в рамках сотрудничества между АН СССР и Академией Финляндии. В ее основу были положены коллекции, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР (Ленинград).

Симпозиум был посвящен обсуждению достижений в этнографическом изучении истории и культуры коренных народов Океании, переосмыслению некоторых исторических материалов и бытующих представлений в свете новых исследований. С советской стороны в нем приняли участие 14 ученых: восемь из них лично участвовали в работе симпозиума (Ю. В. Бромлей, Р. Ф. Итс, А. И. Азаров, Н. М. Гиренко, А. И. Кузнецов, Е. С. Соболева, Д. Д. Тумаркин, В. А. Шнирельман), а шесть послали доклады (Н. А. Бутинов, М. В. Станюкович, И. К. Федорова, М. А. Членов) или были соавторами докладов, прочитанных участниками симпозиума (П. И. Пучков, Т. К. Шафрановская). Всего советскими учеными было представлено 11 докладов. В работе симпозиума участвовали также 15 ученых из Австралии, Англии, Дании, Италии, Новой Зеландии, США и Финляндии, представившие 14 докладов.

Симпозиум открылся 23 января. С приветственными речами к собравшимся обратился президент Академии Финляндии проф. Э. Аллардт и президент Советского национального комитета Тихоокеанской научной ассоциации акад. Н. А. Шило.